

АРКАДИЙ РАЙКИН: «ВСЕ ПОРОКИ И СТРЕБИМЫ»

РАССКАЗЫВАЮТ, что ленинградцы, знакомясь со своим городом, составляют длинный перечень достопримечательностей, в котором где-то после Эрмитажа и Невского проспекта следует театр Аркадия Райкина. В Ленинграде много достопримечательностей и много театров; как человек, проживший там пять лет, могу засвидетельствовать, однако, что достать билет «на Райкина» в его родном городе практически невозможно. Во всяком случае, мне это не удалось за весь срок обучения в университете. Наверное, театр миниатюр в то время слишком часто выезжал на гастроли, а может, просто его зал, размеры которого должны находиться в диалектическом соответствии с названием театра, не справлялся со зрительскими перегрузками, — одним словом, увидеть Райкина в гостях оказалось проще, чем дома.

После спектакля огромный зал Дворца спорта, вмещающий несколько тысяч человек, стоя аплодировал артисту, чье звание народного особенно точно отражает характер и все-

народное признание его творчества.

Как часто приходится слышать где-нибудь рядом: «Помнишь, у Райкина...» Да и мы сами порой не замечаем, как начинаем говорить языком райкинских персонажей. В самом деле, кто из нас не позаимствовал хоть раз его знаменитые «тесезеть», «сину, куру», «привет семье»? Известен случай, когда сам артист стал свидетелем подобной трансформации своих сатирических образов. На теплоходе, где он был пассажиром, матрос бодро рапортовал капитану: «Бу-сделано!» «Семья есть? Привет семье!» — отвечал капитан. Услышав этот любопытный диалог, артист спросил у капитана, почему команда ведет себя так несерьезно. Тот ответил: «Вы знаете, юмор помогает в работе».

Но если бы Райкин был только юмористом, он не был бы тем Райкиным, которого мы знаем и любим. Спектакль, привезенный ленинградцами в наш город, начинается аллегорическим прологом: мы видим на сцене манекены и слышим их заунывно-бодрую песенку о том, как хорошо быть манекеном. Но не очень-то этому веришь, глядя на их постные лица. А если говорить правду, то совсем не хочется походить на безжизненные восковые фигуры.

Именно этого и добивается от зрителя театр Аркадия Райкина: не брать пример с манекена в его отношении к окружающему, активно вмешиваться в жизнь, быть нетерпимым к пороку, каким бы привычным и живучим он ни казался.

В искусстве очень важно, на какой платформе стоит актер, какова его гражданская позиция, — говорит Аркадий Райкин. — В этом смысле, мне кажется, сатира — самое мужественное, самое действенное искусство. И самое гуманное.

Мы беседуем в номере гостиницы «Минск», где на время гастролей остановился артист. Он серьезен, говорит неторопливо, задумчиво, и только знакомый голос с характерной хрипотцой напоминает того Райкина, который накануне заставлял меня умирать со смеху в зале Дворца спорта. Я тогда обратил внимание на него, проищаемое лицо человека в соседнем ряду и удивился: неужели ему не смешно? Сейчас мне захотелось спросить у Райкина, как он относится к зрителю, который не смеется.

— Смотря почему, — отвечает артист. — Как-то раз, еще во время войны, мы выступали на одной большой стройке в Средней Азии. И вдруг я заметил, что человек в первом ряду

почти не смотрит на сцену: то закроет глаза, то опустит голову и упрется локтями в колени. По всему было видно, что мое выступление его совершенно не интересует. Сказать по правде, меня это задело — в конце концов, раз уж так неинтересно, мог бы уйти и не мучиться. А потом выяснилось, что это был начальник строительства, который пришел на спектакль больной, с высокой температурой, и от слабости не мог поднять головы...

Как видите, человек может не смеяться по разным причинам. Другое дело, когда смеется и тот, над кем смеюсь я, — такое тоже бывает. Ведь не каждый согласен считать себя

похожим на героя, которого я изображаю. Судя по всему, иные прототипы моих сатирических персонажей перестроились с учетом времени: чем испуганно вжиматься в кресло и утирать платком потную лысину, проще сделать вид, что это тебя не касается...

— А как быть с теми, у кого вообще нет чувства юмора!

— Я глубоко убежден, что чувство юмора присуще каждому нормальному человеку. Это — верный признак интеллекта. По-настоящему умные люди редко упустят случай поиронизировать и над другими, и над собой. В конце концов, нет людей-ангелов, у каждого из нас есть недостатки, над которыми можно и нужно по-

смеяться. Ведь лечебные свойства смеха известны давно.

— Но и возраст пороков тоже, кажется, немалый...

— Тем не менее, будучи оптимистом, я уверен, что все пороки и недостатки истремимы. Только для этого нужно время и упорство. Болезнь ведь не излечивается одной таблеткой — лекарство нужно принимать регулярно, три раза в день. И, может быть, не одно лекарство, а разные. Так и здесь: искусство, пресса, телевидение — все это направлено на борьбу с недостатками, на воспитание нового человека.

— Каким же образом, на ваш взгляд, в этом процессе должна участвовать сатира!

— Как и любой другой вид искусства, она не в состоянии непосредственно изменить жизнь. Но поставить проблему — главная функция и обязанность театра. И мне особенно приятно, что наш театр, по мнению критики, выделяется своей проблематикой. Несколькими годами назад в Ленинграде начался большой разговор об эстетическом воспитании детей, но мало кто помнит, что первыми его завели мы. Во время гастролей в Киеве после одного из выступлений, где высмеивались недостатки на каком-то абстрактном предприятии, нас пригласили принять участие в производственном совещании на совершенно конкретной обувной фабрике, где шла речь о преодолении «указанных нами недостатков». Требуется ли более убедительное доказательство того, что критика попала в цель.

Скажу больше: в адрес театра приходит множество писем, авторы которых обращаются к нам как в официальную инстанцию для решения важных проблем — и производственных, и хозяйственных, и личных. Жаль только, что в нашем штате не предусмотрена единица для ведения такого рода переписки...

— По-видимому, вакансий у вас нет!

— Можете представить, ни одной. Вся труппа — двенадцать человек; вероятно, это самый маленький театр в стране — если, конечно, не считать театра одного актера.

— А если бы вам представилась возможность набрать в свою труппу самых знаменитых

комиков, кого бы вы пригласили!

— Даже не знаю. Слишком много замечательных артистов. Например, Чарли Чаплин. Его бы я, пожалуй, пригласил. Но не уверен, что он согласится. А вообще-то, лучший партнер тот, к которому ты привык, с которым работаешь вместе долгие годы. Именно такие актеры и составляют наш театральный коллектив. Нет, все-таки я предпочел бы и дальше работать с теми, с кем работаю.

Выясняется, что актер — семейная профессия Райкиных. Вместе с Аркадием Исааковичем выступают его жена и брат. Дочь и сын Райкиных тоже актеры: Екатерина — в Московском театре имени Вахтангова, Константин — в «Современнике». Кстати, недавно Райкин-младший сыграл главную роль в новом спектакле «Валентин и Валентина». Насколько можно судить по рецензии в апрельском номере журнала «Молодой коммунист», эта премьера вызвала в Москве настоящую театральную сенсацию.

Между прочим, критики отмечают в искусстве Райкин-младшего изумительное владение пантомимой. Наверное, здесь есть что-то наследственное. Ведь и отец когда-то начинал с пантомимы: одна из его первых ролей — немой слуга Веспоне в опере-буфф Джованни Перголези «Служанка-госпожа». Начиная артист комментировал действие глазами, руками, движениями — не тогда ли начинался телереший Райкин? А через несколько лет председатель жюри I Всесоюзного конкурса артистов эстрады композитор Дунаевский обратился к Утесову, указывая на молодого Аркадия Райкина: «Как ты думаешь, этот мальчик надолго?» Леонид Осипович поднял палец: «Думаю, что навсегда».

Театру Райкина скоро исполнится тридцать три года. Его актерам довелось выступать и под фашистским обстрелом, и на боевых кораблях, в заводском цехе, на новостройках и погранзаставах. Были райкинцы и за рубежом — во всех социалистических странах, в Западной Берлине, в Англии. Известно, что юмор особо чувствителен к «пересадке» из родной почвы в чужую среду. Как же театру Райкина удастся преодолеть языковой барьер?

— Мы часто выступаем на языке той страны, куда приезжаем на гастроли, — говорит руководитель театра. — Разумеется, готовимся заранее, заучиваем не только текст роли, но и наиболее обиходные выражения. Как получается? В Венгрии, например, не верили, что мы иностранцы. А объектом для смеха ведь много одинаковых. Помните миниатюру о том, как трудно найти нянюку? Представьте себе, что и в Англии, оказывается, та же проблема...

Я прошу артиста прочесть что-нибудь на английском языке: все-таки интересно, как это у него получается? Райкин меняет позу, он уже не тот, что был минуту назад; глаза хитровато прищурены, рот перекошен — ну, конечно же, это знакомый монолог скептика! «Э, да разве теперь весна — вот раньше была весна, я вам скажу...»

Забыв про интервью, я захожу до слез. Впрочем, было бы странно уйти от Райкина, так ни разу и не улыбнувшись.

Беседу вел А. КАРЕЛИН.